

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2>

UDC 811.161.1'276.5
ЛБС 81.411.2-55

Submitted: 23.08.2022
Accepted: 06.03.2023

THE METAPHOR OF THE STATE AND WAYS OF EXPRESSING IT IN RUSSIAN OFFICIAL SPEECH¹

Dmitry V. Rudnev

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Tatiana S. Sadova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article deals with various metaphorical models of the state structure of Russia from the Ancient Russian era to the 20th century and linguistic means of their representation in official speech. It is assumed that the primary metaphor of the medieval state as a family state, reflected in a special “familiar” type of official communication, is focused on oral colloquial speech. The sovereign was presented as the parent of his citizens, the dependence of one prince on another was defined in terms of kinship, the reference of people towards those in authority was expressed using speech formulas with the modality of demand, disparagement, exhortation, submission, and the like. The state-as-mechanism metaphor comes to replace the family metaphor in the era of Peter the Great’s reign. Decrease in emotionality and elimination of familiarity from official speech, as well as the introduction of document formatting standards have been revealed. The logical continuation of this metaphor is the “court” model of the state structure in Russia since the era of Catherine the Great, when intrastate communication featured compliance with the rules of etiquette and decency of court interaction, which tended to overcome the rigour and accuracy in expressing the purpose of communication. Further periods in the history of Russian business speech appear as combinations of ways of expressing these three basic metaphorical models.

Key words: official speech, state communication, metaphor, state-as-family metaphor, state-as-mechanism metaphor, state-as-court metaphor.

Citation. Rudnev D. V., Sadova T. S. The Metaphor of the State and Ways of Expressing It in Russian Official Speech. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 21-36. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2>

УДК 811.161.1'276.5
ББК 81.411.2-55

Дата поступления статьи: 23.08.2022
Дата принятия статьи: 06.03.2023

МЕТАФОРА ГОСУДАРСТВА И СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ¹

Дмитрий Владимирович Руднев

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Татьяна Семеновна Садова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются языковые способы воплощения в деловой речи различных метафорических моделей государственного устройства России от древнерусской эпохи до XX века. Предполагается, что первичная метафора средневекового государства – семьи проявляется в особом «фамильярном» типе делового общения, ориентированного на устную разговорную речь. Государь представлялся родителем своих подданных, зависимость одного князя от другого определялась в терминах родства, отношение

людей к властным лицам выражалось с помощью речевых формул с модальностью требования, уничижения, увещевания, подчинения. В эпоху правления Петра I на смену семейной метафоре приходит метафора государства – механизма. Обнаруживается снижение эмоциональности и устранение фамильярности при деловом общении, внедрение стандартов оформления документа. Развитием этой метафоры является «придворная» модель государственного устройства России с эпохи Екатерины II, когда важнейшим средством внутригосударственного общения стали не столько строгость и точность способов выражения цели коммуникации, сколько этикетность и соответствие приличиям светского общения. Дальнейшие периоды в истории русской деловой речи рассматриваются как комбинации способов выражения этих трех базовых метафорических моделей.

Ключевые слова: деловая речь, деловая коммуникация, метафора, метафора государства – семьи, метафора государства – механизма, придворная метафора государства.

Цитирование. Руднев Д. В., Садова Т. С. Метафора государства и способы ее выражения в русской деловой речи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 21–36. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.2>

Введение

В научной литературе вопрос о метафоре (и тем более о ее типах) в деловой речи обычно не ставится в силу очевидной невозможности ее использования в этой речевой системе. Современная деловая речь лишена фигуративности вследствие таких ее стилистических черт, как точность, неличный характер изложения, стандартизованность, официальность. Тропы, в частности метафора, очевидным образом противоречат этим требованиям. «Лишь в одной из сфер письменной речи средства словесной образности почти совсем неупотребительны. Это – деловая речь, поскольку здесь официальности, точности, безэмоциональности общения и терминованности выражения оказываются как бы противопоказанными образные средства» [Котюрова, 2016, с. 460].

Элементы образности, впрочем, присущи деловой речи переломных эпох, когда власти, стремясь донести до адресата свою волю, апеллируют не только к разуму, но и к чувствам: «...деловому стилю не всегда далеки, а, наоборот, в определенной исторической ситуации близки агитационно-пропагандистские образно-экспрессивные задачи» [Логинава, 1968, с. 200–201]. К числу таких эпох относится, например, период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г., первые годы советской власти, период Великой Отечественной войны; в документах этого времени встречается значительный пласт риторических средств (см.: [Логинава, 1968, с. 196–201, 219–222; Грановская, 2005, с. 294–

297; Протопопова, 2013; 2015; и др.]). Риторический элемент был присущ и некоторым жанрам деловой речи в дореволюционной России, например царским манифестам по случаю войн или иных чрезвычайных событий, различными воззваниями и др.

Все же основной массив деловых документов и деловая коммуникация в целом лишены риторического начала и, как следствие, фигуративности. Однако такой вывод справедлив при рассмотрении поверхностных структур языка, призванных создавать образность текста; если обратиться к понятийным, глубинным метафорам государственного устройства России разных эпох и речевым способам их выражения, то ситуация оказывается совершенно иной.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили разновременные тексты делового стиля преимущественно XVIII в., в которых раскрывается государственная метафора, присущая той или иной эпохе (см. список источников). Однако основное внимание уделяется XVIII в. как времени коренного преобразования государственного устройства России, нашедшего отражение в языке делового общения.

Цель исследования – описание языковых средств делового языка, представляющих государственную метафору XVIII в. на фоне предшествующей и последующей метафорических моделей государственной коммуникации. Это достигается с помощью комплекса методов, в самом широком смысле раскры-

вающих функциональную, прагматическую направленность делового текста вообще и государственного документа (закона, указа, устава и др.) в частности. Поэтому был применен метод лингвопрагматического анализа текста с учетом его общестилистических и жанровых черт. Существенные результаты были получены традиционными общелингвистическими методами – лексико-семантического анализа отдельных слов и семантико-синтаксического анализа конструкций долженствования, по справедливому утверждению Л.Р. Дускаевой и О.В. Протопоповой, – важнейшей стилистической доминанты деловой речи, реализующей основные регулировочные функции государства [Дускаева, Протопопова, 2016, с. 274].

Стилевая окраска долженствования (иначе – волонтерность, императивность, директивность, прескриптивность) обусловлена и тем, что деловая речь «характеризуется ярко выраженной стратегией воздействия адресанта на адресата с целью побуждения второго к совершению определенного (чаще всего посткоммуникативного) действия» [Комлева, 2003, с. 4–5]. Поскольку побуждение осуществляется «на основании власти или социального положения» [Богданов, 1990, с. 53], такие речевые акты относятся к классу инъюнктивов.

Итак, деловое общение характеризуется отчетливо выраженной установкой на адресата, а значит, предполагает реализацию установленных (традиционных или насаждаемых властью) моделей отношений между адресантом и адресатом. Очевидно, что коммуниканты, вступая в диалогические отношения, реализуют определенную поведенческую установку, диалогические роли, в свою очередь, объединяются в ролевую модель.

Результаты и обсуждение

Источником моделей отношений между участниками деловой коммуникации является господствующее в обществе представление о том, как устроены государство и отношения в нем между людьми.

Государство, безусловно сложное и многоаспектное явление, познается не только рационально, но и через глубинные (концептуальные) метафоры [Чудинов, 2012, с. 124].

Важность метафоры в политике была отмечена еще Дж. Лакоффом и М. Джонсоном: «Политические и экономические идеологии формируются на основе метафор» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 252]. Метафоры государства и власти активно употребляются и в современной политической коммуникации, которая «направлена на завоевание, удержание и использование власти, сохранение, укрепление или изменение существующих властно-управленческих отношений в обществе» [Грачев, 2004, с. 18–19], и транслируются через средства массовой информации.

Таким образом, метафора государства выступает как способ познания его устройства (когнитивная функция) и как модель поведения между участниками политической коммуникации (моделирующая функция). Типы метафор власти хорошо изучены: в рамках политической лингвистики выделяют антропоморфные, фамильные, домашние, милитарные, механистические и др.

По нашим наблюдениям, в истории русской деловой речи нашли отражение как минимум три метафорические модели государства (далее – ММГ), («метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятиями сферами, которую можно представить определенной формулой: “X – это Y”» [Чудинов, 2012, с. 131]): 1) «государство – семья / феодальный дом» (семейная метафора); 2) «государство – механизм» (механистическая метафора); 3) «государство – европейский королевский двор» (придворная метафора).

Каждая модель характеризовалась набором нескольких разнопорядковых (в том числе – лингвистических) признаков: способы номинации участников деловой коммуникации; способы номинации объектов действительности и отношений между ними; особенности отношений между участниками; способы выражения императивности; господствующая тональность текста.

ММГ: Государство – феодальный дом (семья)

Эта, видимо, изначальная метафорическая модель представляет участников делового общения в виде членов большой семьи, из

чего следует целый ряд важных черт средневековой деловой речи: ее исходная устно-речевая основа, проявляющаяся в орфографии, лексических номинациях, особенностях синтаксиса, прямая директивность деловых текстов, слабая отграниченность деловых отношений от бытовых, большая доля не фиксируемых на письме отношений, генетическая связь деловых жанров с разговорно-речевыми, общая фамильярная тональность деловых текстов.

Семейная метафора имела естественное происхождение: государство формировалось в результате разрастания и объединения традиционных семей и на него естественным образом переносилась система отношений в семье. «Семейный быт, от которого, надо думать, пошло развитие человеческих обществ, представляется господством главы семейства над членами его семьи. При отсутствии других высших союзов в руках его сосредоточивается всякая власть, светская и духовная, над членами его семьи» [Сергеевич, 1883, с. 55]. Глава государства выступал в роли отца, подчиненные – в роли детей. В свою очередь, сам государь и его семья мыслили управление государством как продолжение управления домом. Все это вместе и в условиях отсутствия иных моделей государства формировало семейную метафору как единственно возможную, отвечающую реальным мировоззренческим установкам человека средневековой Руси. Она использовалась для осмысления как внутри-, так и внешнегосударственных отношений.

А.М. Селищев, характеризуя особенности языка «Русской Правды», писал: «Близость к живой народной речи обусловлена была не тем, что то был начальный момент его письменного применения, а содержанием речи, сферой применения ее» [Селищев, 1957, с. 59]. Иными словами, власти не видели необходимости в создании какого-то отдельного языка для целей управления, и весь допетровский период существовавший регулятивный язык государства сохранял устойчивую связь с живой устной речью, отражая присущие ей черты. Это было характерно как для законодательных, распорядительных, так и просительных документов. Например:

(1) У кого корчму вымут впервые, или кто на продажу вино курит, и на тех впервые заповеди правити по пяти рублев, а на питухах по полуполтине на человеке. А у кого корчму вдругоряд вымут, и на тех людех заповеди править вдвое, по десяти рублев, а на питухах по полтине на человеке, да тех же людей, у кого корчму вымут вдругоряд, бити кнутом по торгом, а питухов бити батоги (ПРП, вып. 6, с. 443. Соборное уложение);

(2) Лѣта 7182 Июля въ 24 день, по Государеву Цареву и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, указу и по приказу воеводы князя Якова Петровича Волконского, память Якутцкого острогу сыну боярскому Матвѣю Ярыгину. Итти ему, съ служилыми людьми, Великого Государя на службу, въ Олекминской острожекъ, для Великого Государя Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, ясачного сбору. И пришедь, тебѣ Матвѣю принять у сотника казачья у Третьяка Смирнягина Олекминской острожекъ, и служилыхъ людей, и аманатовъ, по росписи, которыхъ у него Третьяка налицо заѣдешъ, и аманатскіе рыбные кормы, и ясачныя книги, и Великого Государя въ казнѣ всякіе товары, и суды и судовые снасти; а сколько чего налицо примешъ, и въ томъ съ нимъ росписаться, а росписався, выслать его Третьяка и служилыхъ людей всѣхъ въ Якутцкой острогъ... (АИ, т. 4, с. 521. Наказная память якутскому сыну боярскому Матвею Ярыгину, 24.07.1674).

Процитированные документы стилистически объединяет устно-разговорный синтаксис (господство сочинительных (присоединительных) связей, обилие союзов *а, и, да*, пояснительные конструкции) и отсутствие книжной лексики. Различия заключаются в том, что первый текст содержит некоторые устаревшие морфологические формы: инфинитив на *-ти*, окончания существительного мужского рода *-ех* в форме мн. ч. предл. п., *-ом* в форме мн. ч. дат. п., *-и (ы)* в форме мн. ч. твор. п. Старые формы придают изложению стилистическую приподнятость, однако соседствуют с разговорными формами в одном контексте; ср.: *правити* – *править*, *питухех* – *питухах*. Вместе с тем можно отметить полное отсутствие форм аориста и имперфекта как абсолютно книжных.

Наиболее типичным способом выражения предписания в документах допетровского времени является инфинитив. Эта форма, во-первых, тесно связана с устно-разговорной

сферой языка и, во-вторых, четко выражает субъектно-объектные отношения в ситуации волеизъявления: не называя субъекта в силу его очевидности, она управляет дательным адресата. Другими типичными способами выражения предписания были форма императива и глагол *велеть* в сочетании с инфинитивом, которые также управляли дательным падежом со значением адресата волеизъявления. Запрет выражался главным образом инфинитивом в сочетании с частицей *не*, включая сочетание *не велеть*; разрешение – словами *воля, вольно, волен*:

(3) А будет в том лесу бортное его дерево повалится со пчелами, или безо пчел, и похочет он ис того дерева пчелы или улей безо пчел высечи, и ему те пчелы с ульем из лесу **вывести вольно**, а верховья и коренья **оставити** в лесу тому, чей тот лес, а бревен никаких, ни дров ис того чюжаго лесу **не возити** ни которыми делы, и в тот чюжой лес **не вступатся**, и своим лесом **не называти** (ПРП, вып. 6, с. 133. Соборное уложение).

Семейная ролевая модель наиболее полно реализовалась в просительных документах типа челобитной. Отметим, что название *челобитная* закрепляется в русской деловой речи лишь со второй половины XVI века. Ранее просительные документы были известны под именем *жалобницы*, отсылающим название делового жанра к бытовому жанру жалобы. Просительные документы допетровского времени моделировали ситуацию жалобы младшего, обделенного члена семьи к своему отцу. Например:

(4) Црю гсдрю і великому князю Феодору Алєзѣвичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіі самодержцу бьет челом холоп твои стряпчи конюгъ Евсютка Верещагинъ в ннешнѣмъ гсдрѣ во РПИ м, году в ноябре мце збѣжала от меня холопа твоего женишка моя Феюлка і в ннешнемъ же гсдрѣ во РПИ м году декабря въ 31 де вынели женишку мою в Новомещанскои слободы у вдовы у Марє Самоилове дочери млсрдѣи гсдрѣ црь і великіи кнзь Феодоръ Алєзѣвичъ всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росіі самодержецъ пожалуи меня холопа своего вели гсдрѣ тое вдову Марю взят в Посолскои приказъ и допроситъ хто ея к неи вдове привел или она сама пришла и хаживал ли к неи оць и мать или неть црь гсдрѣ смилуися пожалуи (МДБП, с. 231. Челобитная Е. Верещагина, 18 декабря 1679 г.).

Ситуация ходатайства представляется не как удовлетворение законных требований челобитчика, а как побуждение государя проявить милость, пожалеть его. Побудительная интенция документа заключена, например, в глаголах *смиловаться* ‘милостиво отнестись, призреть, снизить’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 25, с. 193) и *пожаловать* ‘пожалеть о ком-, чем-л.; выразить сожаление; оказать какую-л. милость, благодеяние, пожаловать; соизволить, пожелать сделать что-л.’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 16, с. 93), которые имеют форму императива. Лексическое наполнение текста челобитной служит тому, чтобы расположить адресата к оказанию милости просителю. Это достигается особым именованием автора и получателя челобитной: адресат просьбы именуется *милосердным, милостивым*, адресант – диминутивными формами антропонимов (*Митька, Сенька, Ивашко, Фролко*), которые подчеркивают незначительность просителя наряду с пренебрежительными наименованиями его родственников и имущества (*женишко, детишки, сынишко, животишки, домишко* и пр.). Незначительность автора челобитной должна убедить адресата в том, что и просьба его незначительна [Садова, Руднев, 2020, с. 10–12].

Отдельного упоминания заслуживает использование челобитчиками для самоименования апеллятивов *холоп, сирота, богомолец* применительно к просителям-мужчинам и *вдова, раба, богомолица* – к женщинам. По мнению С.С. Волкова, они употреблялись в челобитных не в собственных своих значениях, а в значении ‘безусловно покорный (-ая), верноподданный (-ая)’ [Волков, 2006, с. 41]. Однако более точным представляется мнение историка С.Б. Веселовского. «Термины *холопы, богомольцы, сироты*, по мысли С.Б. Веселовского, применялись в подписях не случайно, а в связи с характером государственной идеологии того времени. Эти термины были метафорическими изображениями государства в виде феодального дома, в котором помимо прямых родственников были члены дома, не связанные узами кровного родства: *холопы* – работники, *богомольцы* – строители духовной жизни дома и *сироты* – безродные, нищие люди, желавшие стать членами дома. При этом выражение *сироты*

твои служило своеобразным укором господину: на недостаточное внимание к своим людям, к их тяжелому материальному положению или моральному состоянию» [Качалкин, 2014, с. 75].

Завершая обзор семейной метафорической модели государства, отметим, что она имела универсальный характер и использовалась для моделирования отношений не только внутри государства, но и между государствами. Русские летописи, повествуя об отношениях между потомками Рюрика, в общем владении которых находилось правление Древней Русью, отмечают, что, подчиняясь тому из своих родственников, кто становился великим князем, они признавали его «в отца место». Так, в 1054 г. Ярослав Владимирович, умирая, поручил своих младших сыновей старшему сыну Изяславу со словами «да то вы будете в мене место» [Сергеевич, 1883, с. 305]. В 1150 г. Вячеслав и Изяслав целовали между собой крест в том, чтобы «Изяславу имети отцем Вячеслава, а Вячеславу имети сыном Изяслава» [Сергеевич, 1883, с. 306]. В 1160 г. Святослав Ольгович с союзниками принудил к миру своего племянника Святослава Владимировича, который обязался «имети ему его в отца место и во всей воли его ему ходити» [Сергеевич, 1883, с. 306]. Эта формула, однако, не означала безусловного подчинения одного князя другому: «условие имети кого-либо в отца место включает в себе только обязанность воздавать названному отцу самую высокую дань почтения, уважения и любви» [Сергеевич, 1883, с. 311].

Добавим к сказанному, что обращение государей друг к другу с использованием слова *брат* (*Monsieur mon frère* ‘государь, брат мой’) было типичным и для европейской жизни Нового времени. Потому, например, отказ Николая I обращаться к Наполеону III таким образом был расценен как оскорбление и вызвал дипломатический скандал.

ММГ: Государство – механизм

Проникновение этой метафорической модели государства в русскую деловую сферу было связано с петровскими преобразованиями. К моменту петровских реформ старая модель власти, основанная на уподоблении

государства большой семье, была недостаточной как вследствие размера государства и численности населения, так и в силу сложности задач, стоявших перед властями. Нужно было такое устройство управления, при котором делегирование полномочий от царя различным учреждениям происходило бы на постоянной и упорядоченной основе. Как нельзя лучше такому устройству государства отвечала метафора механических часов, широко использовавшаяся в европейской политической мысли XVII в. (подробнее об этом см.: [Stollberg-Rilinger, 1986]). В XVIII–XIX вв., однако, оказалось, что делегирование учреждениям полномочий на постоянной основе размывало представление о монархе как источнике власти и подрывало его власть, следствием чего стали европейские революции, направленные на ограничение или свержение власти монархов.

Петр I был знаком с представлениями о государстве как механизме. Об этом свидетельствует, например, записка Лейбница (которого Петр I ценил чрезвычайно высоко), поданная царю в июне 1716 г., где встречается такой фрагмент: «Государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точной соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы» [Герье, 1871, с. 197].

Под влиянием новой метафоры государства начинаются изменения в деловой коммуникации. В рамках государства-механизма субъекты деловой коммуникации уподобляются его частям (шестеренкам, винтикам), каждый из которых выполняет заданную ему функцию, а их отношения приобретают обезличенный характер. Эта метафорическая модель вызвала к жизни ранее неизвестные русской деловой речи жанры устава, регламента, инструкции. «Законодательство Петра отличается регламентарным характером. Вместо прежних коротеньких норм, которые отрывочно определяют отдельные частные казусы и пробелы которых восполняются указаниями обычая – оно замыкается в форму подробных, обшир-

ных уставов, предусматривающих и старающихся определить каждую мельчайшую деталь» [Богословский, 1902, с. 4].

Изменения коснулись и деловой речи. Так, официальность, которая возникает в документах с Петровской эпохи и со временем усиливается, следует рассматривать как проявление постепенного отчуждения деловой речи от разговорной стихии. Такие стилевые черты, как безличность, неэмоциональность, клишированность речи и стандартность речевых конструкций, оказывались изоморфными устройству механизма.

В Петровскую эпоху для обнародования документов стал применяться печатный станок. Сначала новую форму обрели законодательные и распорядительные документы верховной власти, но постепенно практически все документы становятся печатными. Использование печатного станка в оформлении документа, а также стремление к стандартизации текста вело к существенной трансформации способов его представления: реквизиты документа постепенно получают графическое и пространственное выделение. Более дискретно начинает оформляться основное содержание документов: борясь с излишней текучестью и недостаточной ясностью изложения, обусловленной устноречевой основой деловой речи, власти вводят в документы изложение по пунктам.

Меняется лексико-синтаксическое оформление деловой речи. Если в рамках семейной модели власть, принадлежавшая государю-отцу, довольствовалась при выполнении управленческих функций устноречевыми единицами, то в рамках новой модели начинается поиск новых речевых средств – отличных от устно-разговорных. Смена речевых средств происходила не одновременно: новые средства постепенно возникали и укоренялись в «старом», приказном языке, вытесняя старые единицы. Быстрее менялся лексический состав и значительно медленнее, почти полтора столетия, – синтаксис. Окончательный разрыв с традицией приказного языка происходит в период правления Александра I, когда в ходе министерской реформы начинается перевод письменной деловой коммуникации на литературный язык, формировавшийся в течение XVIII века.

На протяжении XVIII в. деловой язык имел переходный характер. Синтаксический строй сохранял устойчивую связь с предшествующей эпохой, испытывая редкое и слабое влияние европейской литературной фразы. Лексическое наполнение представляло сплав русских разговорных слов, европейских заимствований и славянизмов. Славянизмы, однако, употреблялись очень ограниченно и были представлены некоторыми союзами, местоимениями, наречиями типа *токмо, такожде, точию, паки, вкупе, сей, оный, понеже, ибо, дабы* (см. подробно: [Майоров, 2009]). Востребованными были также некоторые словообразовательные славянизмы: словосложные слова (*нижреченный, вышеименованный* и пр.), производные с аффиксами *воз-, -ост', -(ен)иј-, -ств-*. Активность суффиксов с абстрактным значением была обусловлена не столько стилистическими (хотя и ими тоже), сколько семантическими причинами – начавшейся заменой личных форм глагола отглагольными существительными под влиянием механистической модели государства, в рамках которой отношения представлялись обезличенно.

(5) Хотя по Генеральному регламенту и по состоявшимся пополнительным указом имянно определено, каким образом во учрежденных вышних и нижних судах во отправлении дел поступать, токмо, как нам известно, что по тем регламенту и указом не везде исполняется, как и ныне в нашем Сенате и в Комерц коллегии произошли некоторые между собою споры и несогласия, и многие канцелярские служители оной Комерц коллегии арестованы, от чего не токмо скорого и лутчаго по надлежащему порядку в делах и интересах наших отправления ожидать, но и, следовательно, остановка и упущение из того произойти может, и хотя мы о том повелели изследовать в нарочно утвержденной для того комиссии, однако ж, разсуждая, что в том следствии произойдет продолжение, а между тем в делах остановка. Того ради указали мы тое комиссию отставить и заарестованных в коллегии секретаря и прочих канцелярских служителей, також и тех, которые по тому ж делу в Сенате задержаны, свободить и быть им всем в той коллегии у дел по званию каждаго по прежнему и происшедшие споры и несогласии всеконечно оставить и никому не возобновлять (ПСЗРИ, т. 9, с. 240–241, 1733 г.)

Приведенный фрагмент хорошо иллюстрирует черты деловой речи XVIII в., а именно

нанизывание предикативных конструкций на основе присоединительных связей, недостаточно четкие смысловые отношения между ними, разговорную лексическую основу, включающую заимствования (*регламент, секретарь, коллегия, Сенат, комиссия, интерес, арестовать*), использование европейских калек (германизмы *следовательно* ‘*folglich*’, *каким образом* ‘*auf was Art*’, ‘*welcher Art*’, ‘*welcher Gestalt*’, ‘*welcher Weise*’), славянизмов (*токмо, всеконечно, несогласие, упущение, отправление, следствие*).

В отличие от семейной метафоры государства, которая сложилась естественным образом, механистическую модель власть навязывала подданным, преодолевая их сопротивление. Это видно на примере вмешательства Петра I в законодательство о челобитных. Прежде всего, царь запретил челобитчикам под страхом строжайшего наказания давать челобитные ему в руки: см. указы 1714, 1715, 1718 гг. (УПВ, с. 11, 24, 30–31, 72–73, 102–104). Этот запрет многократно повторялся, поскольку подданные продолжали рассматривать свои челобитные как личные жалобы царю.

В одном из своих указов Петр I разъяснял, почему он ввел запрет на вручение ему челобитных: в государстве создана система судов разного уровня, и челобитные должны были рассматриваться в них – к царю челобитная могла попасть только в том случае, если права челобитчика были нарушены при рассмотрении прошения в судах всех уровней, включая Сенат. Таким образом, семейная метафора власти разрушалась запретом личного обращения подданных к монарху, которые продолжали воспринимать его как отца.

Изменения вносились и в язык челобитных. Указом от 30 декабря 1701 г. челобитные и прочие просительные документы необходимо было впредь подписывать не полуименем, а полным именем и фамилией:

(6) На Москве и в городах царевичам, и боярам, и окольниковым, и думным, и ближним, и всех чинов служилым, и купецкаго, и всяких чинов людям боярским, и крестьянам к великому государю в челобитных и в отписках, и в приказных и домовных во всяких письмах генваря с 1 числа 702 года писаться целыми именами с прозваниями своими, а полуименами никому не писаться (ПСЗРИ, т. 4, с. 181).

С одной стороны, в этом можно усмотреть стремление властей установить единообразие в принципах официального именования лиц и сблизить принципы именования с европейскими. Диминутивные формы антропонимов употреблялись лишь в небольшой части деловых текстов – челобитных, писцовых книгах и др. С другой стороны, отмена полуимен означала запрет подданным на личное обращение к царю, так как подобные формы имели эгоцентрический характер и являлись важным экспрессивным средством просительных документов.

В марте 1702 г. появился указ, регламентировавший формы прошений на царское имя, которые должны были начинаться формулой *Державнейший царь, государь всемилостивейший*, а заканчиваться *Вашего Величества нижайший раб*. Указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 года окончательно определил структуру челобитной и дал ее образец:

(7) «Форма челобитным

Титло

Потом бьет челом имрак на имрака, а в чем мое прошение, тому следуют пункты, и писать пункт за пунктом.

1.

Прошу Вашего Величества о сем моем челобитье решение учинить.

Все суды и розыски имеют по сей форме отпращивать...» (УПВ, с. 144, третья пагинация).

Несмотря на то что челобитная составлялась на имя монарха, документ поступал в одно из государственных учреждений, то есть коммуникация имела опосредованный характер. Результатом этого стала утрата разнообразных средств убеждения адресата, адресант больше не использовал эмоционально-оценочную лексику, не пытался разжалобить адресата – он просил о своем «челобитье решение учинить». Государство властно вмешивается в принципы составления документа: стремясь сделать информацию документа более доступной и дисциплинировать речевое поведение просителя, оно предписывает изложение по пунктам и по законодательно установленной форме. Это нашло отражение в грамматическом оформлении речевого действия: в челобитных глаголы повелительного наклонения глагола были вытеснены перфор-

мативом *прошу*, который эксплицитно указывал на речевые намерения челобитчика, но не имел воздействующей силы императива.

Обращение к челобитным XVIII в. показывает, что предписанные правила строго выполнялись, например:

(8) Всепресвѣтлѣишии державнѣишии велики гедрь императоръ и самодержецъ всероссійскіи гедрь всемлстивѣишии:

[Бъ]ет челом цркви Сергия чудотворца что на Дмитровке попь Петръ Спиридоновъ а о чемъ мое прошение тому слѣдуютъ пункт[ы]

1

В прошлом 739 м году дядя мои двоюродной Геролдъmeisterской канторы подканцеляристъ Иванъ Муromoвъ отдалъ мнѣ для одиначества моего крепостную свою дѣвку по ѡдинокетому году которую купил у князь Михаила князь Михайлова сна Хаванского Дарью Пантѣлѣеву дочь

2

И сего Ѳевраля 5 г дня оная моя двка покрав бѣжала не вѣмъ куда а покрав снесла каламенковую юпку китаичетую душегреику цѣна рубль две рубашки дватцетъ копѣекъ полушубакъ китаичетой на заечьемъ мѣху цѣна одинъ рубль епанчуо камчатую на бѣ[lichem] мѣху хрептовомъ цена восемь рублей да днгъ пять рублей

И дабы высочайшимъ ваше[го] императорского величест[ва] указомъ повѣлено было сие мое яв[чное] челобитье в Полицыmeisterской канцеляр[ии] принять и записать явочныхъ челоби[тен] в кнгу впред для вѣдома і сыску онои д[евки] во всѣхъ полицейскихъ командахъ объяви[ть] у приказу;

Всемлстивѣишии гедрь прошу вашего императорского величества о семъ моемъ прошении[и] решение учинить 1741 г Ѳевраля дня к поданию надлѣжить в Полицmeisterской канцеляриі

Прошение писал я попь Петръ Спиридоновъ і руку прилож[ил] (ПМДП, с. 168–169. Явочная челобитная П. Спиридонова, 05.02.1741).

ММГ: Государство – европейский королевский двор

Эту метафорическую модель следует воспринимать как производную от механистической метафоры, поскольку она отражала результаты социальной инженерии в отношении европейского дворянства Нового времени.

Постепенно в государственной коммуникации все большее значение приобретает этикетность, следование правилам социального

поведения, нежели полезность и «механистическая» целесообразность, естественность того или иного действия и поступка. Иными словами, участникам государственного управления все строже предписывалось соблюдение жестко заданного поведения.

Начало активного формирования такой формы коммуникации, которую метафорически можно соотнести с «придворной (салонной)» формой общения и поведения, приходится на правление Екатерины II.

Социальное дисциплинирование дворянина происходило в результате его воспитания и образования, в ходе которых целенаправленно преобразовывалась и подавлялась естественная природа человека и дворянин принимал систему ценностей, набор правил, манеры поведения в обществе, способы изъяснения чувств благородного человека.

Некоторыми чертами придворная модель государства была схожа с механистической: дворяне, подобно «деталю в механизме», при социальном взаимодействии вели себя по общим для них жестким правилам. Однако в сравнении с механизмом поведение дворян имело интериоризированный, внутренне усвоенный характер. Следование правилам поддерживалось понятием чести; в русском языке XVIII в. *честь* – это и «слава», и «достопочтенное имя, приобретаемое преимущественными качествами, отменными деяниями и другими отличиями» (САР, т. 6, с. 725). Было существенное отличие и от семейной метафоры: в рамках последней отношения имели непосредственный, прямой, «фамильный» характер, подчеркивалось социальное неравноправие участников общения, тогда как придворная модель предполагала непрямой, опосредованный этикетом характер коммуникации и вуалирование отношений неравноправия идеей общей культуры, воспитания и общественных интересов.

Этикет общения предусматривал, прежде всего, сложно организованное речевое взаимодействие дворян друг с другом. Образцы письменной речи усваивались через многочисленные письменники. Культивировались изящность речи, непрямая манера общения, запрет на грубость и прямоту, открытое соперничество собеседнику, подчеркнутое изъяснение чувств, использование фигур речи и др.

Такая манера общения кажется сегодня искусственной (таковой она и была – это сознательное удаление от прямого выражения мыслей и чувств), однако дворяне в силу единого культурного кода, усваиваемого через одинаковое образование, прекрасно понимали такую речь.

Придворная метафорическая модель прочно вошла в политическую и светскую жизнь Европы уже в XVII–XVIII вв. (о ее использовании во Франции XVIII в. подробно см.: [Пименова, 2018, с. 341–356]). Проникновение этой модели в русскую государственную коммуникацию, и, как следствие, – в деловую речь, сдерживалось несколькими факторами: отсутствием нового литературного языка (он начинает складываться ближе к середине XVIII в.) и образцов изящной словесности, дворянского образования (оно формируется с появлением кадетских корпусов, а позже пансионов и университетов) и способами фиксации деловой речи на протяжении XVIII века.

До министерской реформы принятие решений происходило чиновниками-дворянами, а письменное оформление документов осуществлялось канцеляристами и секретарями, относившимися к непривилегированным социальным слоям: «...коллежское делопроизводство осуществлялось еще на началах полного “безгласия” канцелярии, когда она выполняла роль “коллективного писаря”» [Литвак, 1984, с. 50]. В 1804 г. в докладе императору Александру I министр внутренних дел В.П. Кочубей объяснял это неграмотностью чиновников: «Известно, что многие бояре и государственные люди того времени, при весьма здравом и остром разуме, писать однако ж не умели, и некоторые с трудом подписывали свое имя. Сие делало необходимым отделить в приказах и коллегиях часть суждения от части исполнения. Президенты и члены судили, а дьяки в приказах и секретари в коллегиях исполняли» [Санкт-Петербургский журнал, 1804, с. 47–48]. Сейчас подобное объяснение выглядит не вполне убедительным: скорее, речь шла не о неграмотности чиновников, а об их отношении к письменному труду, а также об унаследованном из прошлого устном способе решения дел. Однако это не столь существенно – гораздо важнее то, что секретари и канцеляристы на протяжении XVIII в. воспроизводили те способы составления и оформле-

ния деловых бумаг, которые были им переданы по наследству их предшественниками, работавшими в приказах.

Ситуация меняется в начале XIX в. в результате проведения министерской реформы. Созданием документов начинают заниматься чиновники, а канцелярия становится местом контроля за их движением: «...“канцелярские функции” выполняет все министерство, все подчиненные ему учреждения, весь государственный аппарат сверху донизу, а собственно “канцелярия” выполняет узкие функции “самообслуживания”, состоящие в регистрации и “диспетчерском” регулировании движения “бумаг”» [Литвак, 1984, с. 50]. Это означало изменение социального состава тех, кто сочинял бумаги, – теперь к этому процессу имели отношение главным образом дворяне с их особой письменной культурой, которую они привносят в делопроизводство.

Усилению позиции дворян в делопроизводстве способствовал подготовленный М.М. Сперанским именной указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники» от 6 августа 1809 г., которым вводился образовательный ценз при получении чинов, дававших право на дворянство: для производства в чин коллежского асессора (VIII класс), предоставлявшего право на личное дворянство, наряду с выслугой и одобрением начальства, было необходимо обучение в одном из университетов Российской империи или сдача там специального экзамена.

Важным фактором внедрения новой речевой культуры в делопроизводство стала позиция министров, например министра внутренних дел В.П. Кочубея и министра финансов Д.А. Гурьева, использовавших новый деловой слог и требовавших того же от своих подчиненных [Магницкий, 1835, с. 20]. Описывая свойства нового делового языка, М.Л. Магницкий отмечает: «Общие свойства языка делового суть: правильность, чистота, краткость, благородная простота, точность и приличие» [Магницкий, 1835, с. 25]. Весьма примечательно, что в списке черт нового делового языка упоминается «приличие», или иначе «приличный каждому акту тон» [Магницкий, 1835, с. 20].

Приличие подразумевало не только выбор правильных риторических средств для создания нужной тональности документа, но и широкое употребление европейской фатической лексики и комплиментарных формул типа *имею честь покорнейше просить, имею счастье всеподданнейше донести, приемлю долг испрашивать, поставляю (непременным) долгом (за долг)* и т. п. Эти формулы, использовавшиеся в частной переписке XVIII в., были введены в сферу деловой коммуникации в связи с изменениями в деловой речи начала XIX века. Приведем фрагмент одного из письмовников середины XIX в.:

(9) Если в рапорте извещают о чем-нибудь, то всегда употребляют выражение: *честь имею донести*; в рапортах к государю императору пишут: *счастье имею всеподданнейше донести*; а к лицам высочайшей фамилии: *счастье имею донести*. К высшим начальникам, в знак особого уважения, пишут: *почтительнейше честь имею донести*. Когда представляется на рассмотрение какое-либо обстоятельство, тогда пишут: *честь имею представить*. Если доносят о чем-нибудь и вместе с тем испрашивают разрешения, то пишут: *имея честь представить сие на благоразсмотрение Вашего Превосходительства, испрашиваю разрешения*. При сем должно наблюдать, чтобы слова: *честь имею донести, честь имею представить* (особливо в коротком рапорте) не повторялись (Образцовый письмовник, 1845, с. 63).

Для деловых документов XIX в. была характерна непрямая императивность. М.Л. Магницкий, говоря о слоге инструкций и наставлений, отмечает их особый тон, которым проявляются «оттенки уважения к сословию или доверенности и благоволения к лицу, инструкцию получающему» [Магницкий, 1835, с. 50]: он проявляется в замене слов *предписываю, приказываю* выражениями *поручаю, ожидаю от вас, вы не оставите, мне приятно будет* и пр. [Магницкий, 1835, с. 50]. В приведенной цитате примечательно упоминание о доверенности, которое было обусловлено общностью (дворянской) культуры.

Неуместность многих деловых элементов стала очевидной в связи с социальными изменениями в русском пореформенном обществе второй половины XIX в. (постепенная утрата дворянами господствующего положе-

ния в культуре и ее демократизация) и отмечалась документоведами на рубеже XIX–XX веков. Так, А.Н. Долгов в пособии по делопроизводству писал: «Каждая деловая бумага должна быть изложена по возможности кратко, ясно и точно, без употребления лишних и не идущих к делу фраз и выражений. Принятые в общественной жизни слова и фразы учтивости: *господин, имею честь, почтительнейше, усерднейше* и т. п. – в служебной переписке не должны быть употребляемы» [Долгов, 1892, с. 8]. Ограничивался также круг императивной лексики, использовавшейся в предписаниях и рапортах. В «Положении о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве» разъяснялось, что «начальник всегда дает своему подчиненному предписание, хотя бы подчиненный состоял в равном и даже в высшем чине, причем воспрещается употреблять слово “прошу”, а писать непременно: “приказываю”, “предписываю” или “предлагаю”» (Положение о письмоводстве, 1915, с. 5). Служебная бумага «должна излагаться ясно, кратко и точно, без не идущих к делу фраз учтивости (*господин, имею честь, почтительнейше* и т. п.), титулов (*Ваше Превосходительство, Сиятельство, Ваше Благородие* и пр.), кроме случаев обращения к высочайшим особам, без заключительных фраз (*о вышеизложенном доношу* и т. п.)» (Положение о письмоводстве, 1915, с. 10).

Революция 1917 г. и последующие изменения в социальной структуре российского общества способствовали полной утрате комплиментарной фразеологии: она ассоциировалась с эпохой, чуждой новой власти, объявившей всеобщее равенство и построение демократического общества. Востребованной оказалась механистическая модель государства, язык документов приобрел современную обезличенность, официальность и сухость.

Однако полностью придворная модель не была утрачена – она сохранилась в дипломатическом подстиле официально-делового стиля. Ее существование поддерживалось в дипломатической речи международными документами и договорами. Очень точно и прозорливо об этом еще в середине XIX в. писал М. Магницкий: «Слог дипломатический есть, так сказать, разговорный язык государств,

принимаемых за лица нравственные. Сие определение достаточно показывает, что принадлежности его должны быть: *ясность, точность, достоинство* и *утонченность* оборотов» [Магницкий, 1835, с. 86–87].

При переходе от придворной модели имперского периода к механистической модели советского и постсоветского времени лексическая и синтаксическая основа делового языка подверглась незначительным преобразованиям. Основные изменения свелись к утрате комплиментарной и фатической лексики и перифрастичности, к еще большему ослаблению личного начала, к изменению тональности речи (риторически-участливая окраска речи сменилась подчеркнуто холодной и отстраненной). Очевидна внутренняя близость механистической и придворной моделей государства: хотя в одном случае государство мыслится как механизм, точнее – (в духе Лейбница) как часы, а в другом – как двор, но в обоих случаях образ его формируется на основе представлений о рациональных законах человеческого взаимодействия в государстве.

Тесную связь с обеими моделями обнаруживают модальные предикаты *должен* и *обязан*. В современном языке *обязан* имеет два значения: деонтическое – ‘имеющий что-л. своей обязанностью, долгом’ и устаревающее комплиментарное – ‘получивший, сделавший что-л., достигший чего-л. и т. п. благодаря кому-, чему-л.; испытывающий благодарность, признательность к кому-л. за что-л.’ (МАС, т. 2, с. 582). Эти значения слово приобрело в XVIII веке, ср.: ‘словесным или письменным обещанием долженствующий, понуждаемый делать что’ и ‘одолженный’ (САР, ч. 1, с. 1117) в результате заимствования этих значений у глаголов *obliger* (фр.) и *verbinden* (нем.). Модальное слово *должен* может выражать долженствование как деонтическое (правовые, служебные и т. п. нормы), так и нравственное (моральные обязательства, ср.: устаревшее значение ‘обязанный кому-л.’; ср.: *я должен ему сохранением моей жизни* ‘je lui dois la conservation de ma vie’ (Нордстет, т. 1, с. 167). Все это говорит о том, что предикаты *должен* и *обязан* выражали идею нравственного долга, типичного для придворной модели деловой коммуникации.

Выводы

Выделяя три метафорические модели государства в качестве способов организации деловой речи, мы понимаем известную дискуссионность предложенного исследовательского инструментария. Вместе с тем описываемые модели позволяют, во-первых, применительно к современному языку объяснить различия речевых структур, лежащих в основе дипломатических и внутригосударственных документов; во-вторых, рассматривать исторические изменения в деловом языке не как абстрактный процесс постепенного олитературивания деловой лексики и синтаксиса, а как смену принципов организации речевых средств деловой речи, отражавших изменения в представлении об устройстве государства; в-третьих, по-новому объяснить системность деловой речи, обусловленность набора стиливых доминант, характерных для разных эпох, а также увидеть прямое вмешательство власти в развитие делового языка.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-012-00338 «Система средств выражения императивности в русском деловом языке XVIII века».

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), the project no. 20-012-00338 “The system of imperative means in the Russian official language of the 18th century”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов В. В., 1990. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л. : ЛГУ. 87 с.
- Богословский М. М., 1902. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М. : Императ. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те. XVI, 521, 44 с.
- Волков С. С., 2006. Стиливые средства деловой письменности XVII века : на материале челобитных. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та. 342 с.
- Герье В. И., 1871. Лейбниц и его век. В 2 т. Т. 2. Отношения Лейбница к России и Петру Великому (по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке). СПб. : Печатня В.И. Голвина. 207 с.

- Грановская Л. М., 2005. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв. М. : Эллис. 446 с.
- Грачев М. Н., 2004. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М. : Прометей. 327 с.
- Долгов А. Н., 1892. Правила письменных сношений и образцы деловых бумаг. По поручению начальства Морского кадетского корпуса составил подполковник А. Долгов. СПб. : Тип. Мор. м-ва. 55 с.
- Дускаева Л. Р., Протопопова О. В., 2016. Официально-деловой стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 3-е изд., стер. М. : Флинта : Наука. С. 273–277.
- Качалкин А. Н., 2014. Содержательно-стилевые свойства деловых текстов XVII века // Русская речь. № 6. С. 69–76.
- Комлева Е. В., 2003. Лингвостилистические особенности выражения побудительности в текстах официально-деловой прозы (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. 18 с.
- Котурова М. П., 2016. Стилистические ресурсы лексики (лексическая стилистика) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 3-е изд., стер. М. : Флинта : Наука. С. 456–469.
- Лакофф Дж., Джонсон М., 2004. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС. 256 с.
- Литвак Б. Г., 1984. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII–XIX вв. (К постановке вопроса) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М. : Наука. С. 48–55.
- Лобашевская И. С., 2007. Жанры официально-деловой письменной речи. Петропавловск-Камчатский : КамчатГТУ. 91 с.
- Логинова К. А., 1968. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М. : Наука. С. 186–230.
- Магницкий М. Л., 1835. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. М. : Тип. Лазаревых ин-та вост. яз. 120 с.
- Майоров А. П., 2009. Славянизмы в деловом языке 1-й половины XVIII века // Филологические науки. № 4. С. 29–36.
- Пименова Л. А., 2018. Монархия и придворное общество во Франции в конце Старого порядка : сб. науч. ст. М. : Ист. фак. МГУ. 410 с.
- Протопопова О. В., 2013. Официально-деловой стиль: проблема стилового единства // Медиалингвистика. Вып. 1. С. 280–289.
- Протопопова О. В., 2015. Стилистические явления в деловой словесности периода Великой Отечественной войны как отпечаток эпохи // Филология и человек. № 2. С. 1–13.
- Русанова С. В., 2015. Промемория в региональном делопроизводстве XVIII в.: функциональная направленность и жанровая специфика // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 2. С. 153–164. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.637>
- Садова Т. С., Руднев Д. В., 2020. Из истории русских просительных жанров: лингвистический аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 42, № 5. С. 8–14. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.493>
- Санкт-Петербургский журнал. 1804. № 6. 120 с.
- Селищев А. М., 1957. О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка // Вопросы языкознания. № 4. С. 57–63.
- Сергеевич В. И., 1883. Лекции и исследования по истории русского права. СПб. : Тип. и хромолит. А. Траншеля. 997 с.
- Сологуб О. П., 2008. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та. 330 с.
- Чудинов А. П., 2012. Политическая лингвистика. М. : Флинта : Наука. 256 с.
- Stollberg-Rilinger B., 1986. Der Staat als Maschine. Zur politischen Metaphorik des absoluten Fürstenstaats. Berlin : Duncker & Humblot. 308 S.

ИСТОЧНИКИ

- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842.
- МДБП – Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М. : Наука, 1968. 338 с.
- Образцовый письмовник, 1845 – Образцовый письмовник, или Хрестоматия писем, содержащая в себе письма на разные случаи жизни общественной. М. : Унив. тип., 1845. 244 с.
- ПМДП – Памятники Московской деловой письменности XVIII в. / ред. С. И. Котков. М. : Наука, 1981. 318 с.
- Положение о письмоводстве..., 1915 – Положение о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве. 4-е изд., доп. Петроград : Издал В. Березовский, 1915. 140 с.
- ПРП – Памятники русского права. Т. 1–8 / под ред. С. В. Юшкова. М. : Госюриздат, 1952–1961.
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 де-

кабря 1825 года. Т. 1–45. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1830.

УПВ – Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти Государя Императора Петра Великого Самодержца Всероссийскаго. Состоявшиеся с 1714, по кончину Его Императорскаго Величества, Генваря по 28 число, 1725 году. СПб. : Императ. Акад. наук, 1739. 1047 с.

СЛОВАРИ

МАС – Словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1986. 737 с.

Нордстет – Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом. Ч. 1–2. СПб. : Изданием типографшика и книгопродавца И.К. Шнора, 1780–1782.

САР – Словарь Академии Российской : в 6 ч. СПб. : При Императ. Акад. наук. Ч. 1. 1789. 636 с. ; Ч. 6. 1794. 1068 с.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука ; СПб. : Нестор-История, 1975– . Вып. 16. 1990. 299 с. ; Вып. 25. 2000. 283 с.

REFERENCES

Bogdanov V.V., 1990. *Rechevoe obshchenie. Pragmaticheskie i semanticheskie aspekty* [Speech Communication. Pragmatic and Semantic Aspects]. Leningrad, LGU. 87 p.

Bogoslovskiy M.M., 1902. *Oblastnaya reforma Petra Velikago. Provintsiya 1719–27 gg.* [Regional Reform of Peter the Great. Province of 1719–27 Years]. Moscow, Imperat. o-vo istorii i drevnostey ros. pri Mosk. un-te. XVI, 521, 44 p.

Volkov S.S., 2006. *Stilevye sredstva delovoy pismennosti XVII veka: Na materiale chelobitnykh* [Stylistic Means of Business Writing of the 17th Century: Based on Petitions]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 342 p.

Gerye V.I., 1871. *Leybnits i yego vek. V 2 t. T. 2. Otnosheniya Leybnitsa k Rossii i Petru Velikomu (po neizdannym bumagam Leybnitsa v Gannoverskoy biblioteke)* [Leibniz and His Century. In 2 Vols. Vol. 2. Leibniz Relationship to Russia and Peter the Great (According to Leibniz Unpublished Papers in the Hannover Library)]. Saint Petersburg, Pechatnya V.I. Golovina. 207 p.

Granovskaya L.M., 2005. *Russkiy literaturnyy yazyk v kontse XIX i XX vv.* [Russian Literary Language

at the End of the 19th and 20th Centuries]. Moscow, Elpis Publ. 446 p.

Grachev M.N., 2004. *Politicheskaya kommunikatsiya: teoreticheskie kontseptsii, modeli, vektory razvitiya* [Political Communication: Theoretical Concepts, Models, Vectors of Development]. Moscow, Prometey Publ. 327 p.

Dolgov A.N., 1892. *Pravila pismennykh snosheniy i obraztsy delovykh bumag. Po porucheniyu nachalstva Morskogo kadetskogo korpusa sostavil podpolkovnik A. Dolgov* [Rules of Written Communications and Samples of Official Papers. On Behalf of the Authorities of the Naval Cadet Corps, Compiled by Lieutenant Colonel A. Dolgov]. Saint Petersburg, Tip. Mor. m-va. 55 p.

Duskaeva L.R., Protopopova O.V., 2016. *Ofitsialno-delovoy stil* [Official Business Style]. Kozhina M.N., ed. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 273–277.

Kachalkin A.N., 2014. *Soderzhatelno-stilevye svoystva delovykh tekstov XVII veka* [Content and Style Properties of Business Texts of the 17th Century]. *Russkaya rech* [Russian Speech], no. 6, pp. 69–76.

Komleva E.V., 2003. *Lingvostilisticheskie osobennosti vyrazheniya pobuditelnosti v tekstakh ofitsialno-delovoy prozy (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and Stylistic Features of the Expression of Motivation in the Texts of Official Business Prose (Based on the Material of the Modern German Language). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 18 p.

Kotyurova M.P., 2016. *Stilisticheskie resursy leksiki (leksicheskaya stilistika)* [Stylistic Resources of Vocabulary (Lexical Stylistics)]. Kozhina M.N., ed. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 456–469.

Lakoff J., Johnson M., 2004. *Metafor, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By. Transl. from English]. Moscow, Editorial URSS Publ. 256 p.

Litvak B.G., 1984. *O zakonomernostyakh evolyutsii deloproizvodstvennoy dokumentatsii v XVIII–XIX vv. (K postanovke voprosa)* [On the Regularities of the Evolution of Office Documentation in the 18th–19th Centuries (To the Question)]. *Problemy istochnikovedeniya istorii SSSR i spetsialnykh istoricheskikh distsiplin* [Problems of Source Study of the

- History of the USSR and Special Historical Disciplines]. Moscow, Nauka Publ., pp. 48-55.
- Lobashevskaya I.S., 2007. *Zhanry ofitsialno-delovoy pismennoy rechi* [Genres of Official Business Writing]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, KamchatGTU. 91 p.
- Loginova K.A., 1968. Delovaya rech i ee stilisticheskie izmeneniya v sovetskuyu epokhu [Official Speech and Its Stylistic Changes in the Soviet Era]. *Razvitie funktsionalnykh stiley sovremennogo russkogo yazyka* [Development of Functional Styles of the Modern Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 186-230.
- Magnitskiy M.L., 1835. *Kratkoye rukovodstvo k delovoy i gosudarstvennoy slovesnosti dlya chinovnikov, vstupayushchikh v sluzhbu* [A Brief Guide to Business and State Literature for Officials Entering the Service]. Moscow, Tip. Lazarevykh in-ta vost. yaz. 120 p.
- Mayorov A.P., 2009. Slavyanizmy v delovom yazyke 1-y poloviny XVIII veka [Slavonicisms in the Business Language of the 1st Half of the 18th Century]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 4, pp. 29-36.
- Pimenova L.A., 2018. *Monarkhiya i pridvornoe obshchestvo vo Frantsii v kontse Starogo poryadka: sb. nauch. st.* [Monarchy and Court Society in France at the End of the Old Order. Collection of Scientific Papers]. Moscow, Ist. fak. MGU. 410 p.
- Protopopova O.V., 2013. Ofitsialno-delovoy stil: problema stilevogo edinstva [Official Business Style: The Problem of Stylistic Unity]. *Medialingvistika* [Medialinguistics], iss. 1, pp. 280-289.
- Protopopova O.V., 2015. Stilisticheskiye yavleniya v delovoy slovesnosti perioda Velikoy Otechestvennoy voyny kak otpechatok epokhi [Stylistic Phenomena in the Business Literature of the Period of the Great Patriotic War as an Imprint of the Era]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man], no. 2, pp. 1-13.
- Rusanova S.V., 2015. Promemoriya v regionalnom deloproizvodstve XVIII v.: funktsionalnaya napravlenost i zhanrovaya spetsifika [The Promemoria in the 18th Century Regional Business Documentation: Its Functional Orientation and Genre Specifics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya* [Lomonosov Philology Journal], no. 2, pp. 153-164. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.637>
- Sadova T.S., Rudnev D.V., 2020. Iz istorii russkikh prositelnykh zhanrov: lingvisticheskiy aspekt [From the History of Russian Petitioning Genres: The Linguistic Aspect]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], vol. 42, no. 5, pp. 8-14. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.493>
- Sankt-Peterburgskiy zhurnal* [Saint Petersburg Journal], 1804, no. 6. 120 p.
- Selishchev A.M., 1957. O yazyke «Russkoy Pravdy» v svyazi s voprosom o drevneyshem tipe russkogo literaturnogo yazyka [On the Language of “Russkaya Pravda” in Connection with the Question of the Oldest Type of Russian Literary Language]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], no. 4, pp. 57-63.
- Sergeevich V.I., 1883. *Lektsii i issledovaniya po istorii russkogo prava* [Lectures and Research on the History of Russian Law]. Saint Petersburg, Tip. i khromolit. A. Transhelya. 997 p.
- Sologub O.P., 2008. *Russkiy delovoy tekst v funktsionalno-geneticheskom aspekte* [Russian Business Text in the Functional-Genetic Aspect]. Novosibirsk, Izd-vo Novosib. gos. tekhn. un-ta. 330 p.
- Chudinov A.P., 2012. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 256 p.
- Stollberg-Rilinger B., 1986. *Der Staat als Maschine. Zur politischen Metaphorik des absoluten Fürstenstaats*. Berlin, Duncker & Humblot. 308 S.

SOURCES

- Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu: v 5 t.* [Historical Acts Collected and Published by the Archeographic Commission. In 5 Vols.]. Saint Petersburg, Tip. Ekspeditsii zagotovleniya gos. bumag, 1841–1842.
- Moskovskaya delovaya i bytovaya pismennost XVII veka* [Moscow Business and Household Writing of the 17th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 338 p.
- Obraztsovyy pismovnik, ili Khrestomatiya pisem, soderzhashchaya v sebe pisma na raznyye sluchai zhizni obshchestvennoy* [An Exemplary Letter Book, or a Reader of Letters, Containing Letters for Various Occasions in the Life of a Public]. Moscow, Univ. tip., 1845. 244 p.
- Kotkov S.I., ed. *Pamyatniki Moskovskoy delovoy pismennosti XVIII v.* [Written Documents of Moscow Official Literature of the 18th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 318 p.
- Polozheniye o pismovodstve i deloproizvodstve v voyennom vedomstve* [Regulations on Writing and Office Work in the Military Department]. Petrograd, Izdal V. Berezovskiy, 1915. 140 p.

Yushkov S.V., ed. *Pamyatniki russkogo prava. T. 1–8* [Monuments of Russian Law. Vols. 1–8]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1952–1961.

Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye pervoye: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. T. 1–45 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Part: From 1649 to December 12, 1825. Vols. 1–45]. Saint Petersburg, Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. Yego Imperat. Velichestva Kantselyarii, 1830.

Ukazy blazhennyya i vechnodostoynyya pamyati Gosudarya Imperatora Petra Velikago Samoderzhitsa Vserossiyskago. Sostoyavshiyasya s 1714, po konchinu Yego Imperatorskago Velichestva, Genvarya po 28 chislo, 1725 godu [Decrees of the Blessed and Eternally Worthy of the Memory of the Sovereign Emperor Peter the Great Autocrat of All Russia. Held from 1714, After the Death of His Imperial Majesty, January 28, 1725]. Saint Petersburg, Imperat. Akad. nauk, 1739. 1047 p.

DICTIONARIES

Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 2* [Russian Dictionary. In 4 Vols. Vol. 2]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1986. 737 p.

Nordstet I. *Rossiyskiy, s nemetskim i frantsuzskim perevodami, slovar, sochinenny nadvornym sovetnikom Ivanom Nordstetom. Ch. 1–2* [Russian Dictionary, with German and French Translations, Composed by Court Councillor Ivan Nordsteth. Parts 1–2]. Saint Petersburg, Izhdiveniem tipografschika i knigoprodavtsa I.K. Shnora, 1780–1782.

Slovar Akademii Rossiyskoy: v 6 ch. [Dictionary of the Russian Academy. In 6 Pts.]. Saint Petersburg, Pri Imperat. Akad. nauk, pt. 1, 1789. 636 p.; pt. 6, 1794. 1068 p.

Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ.; Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 1975–, iss. 16, 1990. 299 p.; iss. 25, 2000. 283 p.

Information About the Authors

Dmitry V. Rudnev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, Reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, rudnevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3264-9483>

Tatiana S. Sadova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the Russian Language, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 11, 199034 Saint Petersburg, Russia, tatsad_90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6232-3433>

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Руднев, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, rudnevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3264-9483>

Татьяна Семеновна Садова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, tatsad_90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6232-3433>